

На окраинномъ болотѣ Москвы.

28 марта—это день воскресный. Погода совсѣмъ весенняя: солнышко грѣетъ, вѣтерокъ легкій, грязь попросохла. Я только что прибылъ въ Москву съ театра войны. Прямо съ вокзала въ квартиру нашего редактора. Чайку попили, дѣла просмотрѣли, кое-что порѣшили и остались свободны. Въ Егорьевскъ ѣхать я не собирался, а рѣшилъ посвятить этотъ день посвященію старообрядческаго института.

Давно я объ этомъ думалъ, но все не было оказіи, теперь же я до известной степени свободенъ и эту свободу жаль было израсходовать безъ пользы.

Нашъ милѣйшій редакторъ, досточтимѣйшій Іосифъ Ивановичъ, не отказалъ мнѣ въ своемъ сопутствіи.

Отъ храма Успенія на Апухтинкѣ, гдѣ помѣщается наша редакція, до Рогожскаго кладбища версты двѣ съ половиною, развѣ три, до самаго института. Не больше! Рѣшили пройтись пѣшкомъ, ибо хотѣлось подышать воздухомъ весны болѣе усиленно. Тѣмъ болѣе, что за мое отсутствіе на фронтъ и разговоры понакопились. Болтая о дѣлѣ, а то и о пустякахъ, мы совершенно незамѣтно достигли южныхъ вратъ Рогожскаго кладбища и, помолившись предъ святыми изображеніями на вратахъ его, свернули направо и, по внѣшней сторонѣ его ограды, направились къ институту, который, оказывается, находится внѣ ограды владѣній кладбища. Слева шла ограда-заборъ, справа насыпь Нижегородской ж. д., по которой поминутно суетливо бѣжали поѣзда, вагоны и паровозы, выполняя свои неотложныя задачи. Здѣсь, на далекой окраинѣ Москвы, на дорогѣ еще лежалъ ледокъ отъ исчезнувшаго подъ лучами солнца снѣга, а тамъ, на восточной сторонѣ ограды кладбища, оказалось еще достаточно и снѣгу. Снѣгъ быстро таялъ, образуя большія лужи и грязныя проталины, такъ что очень кстати было бы надѣтъ и калоши...

Когда мы миновали кладбищенскій заборъ и свернули направо, то предъ нами невдалекѣ предстало и зданіе старообрядческаго института, обнесенное деревянною оградой.

Съ этой стороны зданіе выглядываетъ очень оригинально и притомъ очень скромно. Размѣры его кажутся очень небольшими и даже маленькими, пожалуй. Но это какой-то странный обманъ: всѣ строенія такого типа, сколько я ихъ ни наблюдалъ, имѣютъ какую-то странную особенность казаться маленькими снаружи и очень вмѣстительными внутри. Такъ же и съ институтомъ. Потомъ, когда вы будете внутри его, вы поразитесь его обширностью и будете недоумѣвать—откуда же эта обширность?

Во дворѣ института первое, что бросается въ глаза, это слѣды еще далекой незаконченности работъ по постройкѣ и приведенію двора въ должный порядокъ. Да оно и на самомъ дѣлѣ такъ: не только не приве-

дена въ порядокъ площадь двора, но и самая постройка института далеко еще не закончена. Въ этомъ году занятія происходили хотя и здѣсь, въ этомъ, собственномъ, зданіи института, но въ зданіи, въ которомъ, пожалуй, можно-бы было и обождать заниматься.

Зданіе института выстроено на большой, сырой низинѣ, а попросту, пожалуй, даже и на болотѣ. Съ сѣверной стороны зданія вешнія воды образовали изрядное озеро, которое не имѣетъ никакого естественнаго стока и обречено на высыханіе подъ лучами солнца и частью на впитываніе въ землю, а при поддержкѣ дождей—на лѣтнее гніеніе. Конечно, надо полагать, что строители института не задумаются осушить площадь института, а это озеро обратятъ въ прудъ, который, будучи углубленъ, сможетъ служить прекраснымъ водоемомъ вешнихъ водъ для запаса ихъ на лѣто на предметъ поливки предположенныхъ практическихъ огородовъ и древонасажденій. Если это будетъ такъ, то это болото окажется какъ разъ кстати, ибо оно облегчитъ задачу устройства пруда, а углубленный прудъ, собирая воды, осушитъ остальную часть площади. Пока же что, болото сказывается и внутри зданія института въ видѣ сырости стѣнъ, и не только въ подвальномъ этажѣ, но даже и выше.

Задача по учрежденію института, по постройкѣ его, оборудованію и содержанію, поистинѣ—грандіозна. Одно содержаніе его должно обходиться тысячъ до сорока рублей въ годъ, не говоря уже о содержаніи зданія въ порядкѣ, его ремонтѣ, благоустройствѣ и дальнѣйшемъ расширеніи. Теперь уже постройка—обошлась тысячъ въ 300, но она далеко еще не закончена согласно принятому плану. Глядя на величіе предпринятой на себя обязанности господами инициаторами учрежденія института, дѣлается жутко за будущее этого учрежденія. Боязно за то, что дѣло начато слишкомъ широко, размахисто, и, если хотите, захватывающе духъ размахисто, но будетъ ли оно, это начатое дѣло, доведено до конца? Не струсятъ ли, не отступятъ ли въ страхѣ предъ огромностью расходовъ работники этого важнаго дѣла? Не бросятъ ли они его на произволь судьбы?.. Право, жутко: ужъ слишкомъ тяжела эта задача. Выстроить, оборудовать—это еще туда-сюда, люди возможно напрягутся и сдѣлаютъ. Но вотъ ежегодные расходы, и притомъ постоянные, изъ года въ годъ, будутъ ли по силамъ они?

Правда, старообрядческая Москва велика, и богата она, это безспорно, но вѣдь у нея не одни эти расходы... А потомъ: считать деньги хорошо въ чужомъ карманѣ,—ихъ тамъ, обычно, много, и не жалки онѣ для насъ притомъ. Ну а тѣмъ, кому раскошеляваться приходится, это кажется нѣсколько иначе. И даже очень иначе. Деньги въ своемъ карманѣ обычно всегда невелики, да и нужны онѣ постоянно себѣ! Вотъ и страшно дѣлается за судьбу института.

Казалось бы, что и вся Русь старообрядческая не мала, и не бѣдна она! Повинна бы и она принять участіе въ этомъ дѣлѣ своими средствами

вѣдь институтъ не для москвичей только, но также и для всей Руси святой и даже для нея-то, пожалуй, въ первую голову, но тупа она, эта Русь, на такія дѣла. Звали ее на это, и звали не однажды, но отозвалась она крайне слабо... Что подѣлаешь: не привыкли мы къ добровольной работѣ. Принудятъ, ну тогда другое дѣло... А пока этого нѣтъ: молъ - де и безъ насъ обойдутся, тамъ, у москвичей, шея-то, молъ, потолще нашей, все выдержать, все вынесетъ.—

А вотъ вынесетъ ли?.. Господа, какъ хотите, кому бы это ни довелось, а задача трудная. Пусть тамъ Рябушинскіе, Морозовы, Кузнецовы и др., но вѣдь и они люди, и люди безъ того сильно обремененные расходами. Велики ихъ доходы, но велики и расходы. Говорить пословица: „Большому кораблю далекое плаваніе“...

А потомъ вѣдь и принципиально они могутъ отстать: почему, скажутъ, это именно мы одни должны отдуваться? Почему не примутъ въ этомъ общемъ дѣлѣ и другіе участіе? Вѣдь люди-то есть и кромѣ насъ.

И къ грусти нашей дѣло, кажется, такъ и обстоитъ: строители института, инициаторы его, уже, кажется, устрашились этой огромной задачи и остановились въ раздумьѣ: итти ли дальше? Ужъ не лучше ли остановиться, ибо, чѣмъ дальше, тѣмъ задача и обязанности становятся шире, тяжелѣе, а помощи нѣтъ. И не только матеріальной помощи, но даже простого ободренія нѣтъ, т.-е. нравственной-то поддержки нѣтъ. А отъ противнаго сколько угодно!.. И дѣло неважно стоитъ... Ссылаясь на то, что война вызвала страшную дороговизну, работы по постройкамъ остановлены, и рѣшено съ осени пятого класса не открывать, а ограничиться четырьмя уже существующими. Стало-быть, дѣло замираетъ на мѣстѣ. А это—тревожный показатель...

Вѣдь если говорить по совѣсти, то никогда столько не погребутъ денегъ гг. фабриканты, сколько гребутъ они теперь. Пусть все дорого, но это „дорого“ только въ пользу для нихъ. Нынѣ деньги стали нипочемъ... И стало-быть не въ дороговизнѣ дѣло пріостановки развитія института, а въ чемъ-то другомъ...

Намъ кажется, что это лежитъ именно въ томъ разладѣ нашего общества купцовъ, который обычно наблюдается въ случаяхъ дѣлъ подобныхъ этому. Въ ту пору, пока одни стремятся къ созиданію, другіе холодны, а третьи упорно противодѣйствуютъ, а находятся четвертые, что всячески критикуютъ эту „затѣю“... Это и убиваетъ силы начинающихъ дѣло.

Вы посмотрите—кто у этого дѣла? Рябушинскій С. П., Морозовъ Т. С., Кузнецовъ Г. М. Ну, а еще кто? Право, и не назовешь. А подсчитайте противниковъ, и вы удивитесь, какъ ихъ много...

А тутъ внутреннія институтскія неурядицы разстраиваютъ... Ну и опустишь руки. Отвернешься отъ работы.

Впрочемъ не будемъ настраиваться печально. Будемъ вѣрить—что люди эти выдержатъ все, ни передъ чѣмъ не остановятся и свою задачу

выполнять до конца. Сдѣлаютъ это высокополезное дѣло, которое добромъ оцѣнится въ исторіи Старой Руси, часъ всеобщаго торжества которой уже не за горами... А это одно ужъ многое значить. Надо помнить, что только потомки, а не современники надлежащимъ образомъ производятъ оцѣнку.

Но и теперь ужъ можно дивиться тѣмъ чудесамъ, что совершены строителями въ этомъ грязномъ окраинномъ болотѣ Москвы. Вѣдь это нѣчто поистинѣ заслуживающее памяти, и притомъ самой лучшей, свѣтлой памяти, въ потомствѣ. Надо посѣтить институтъ лично и внимательно осмотрѣть его, чтобы оцѣнить работу и мысль строителей. Чудные подъѣзды - входы, свѣтлые, обширные коридоры, огромные залы: актовые большое и малое, для церкви, иконописной; прекрасные классы, библіотека, читальня, спальни для учениковъ, комнаты для учителей и надзирателей, столовая учениковъ и учителей, кухня и т. д. и т. д. безъ конца. Когда все это видишь и видишь то будущее, которое должно изъ этого прорастить, то невольно преклоняешься предъ силой капитала, который все это можетъ создать. Вѣдь недостаточно задумать. Задумать можно многое, а вотъ осуществить задуманное—это дѣло другое. Тутъ нуженъ капиталъ; онъ-то и есть чудодѣй:—болото—говорите, да?—Нѣтъ, мой дорогой, это не болото, а нѣчто драгоцѣнное, только вотъ взмахнемъ золотою палочкою и вмѣсто болота очутится храмъ науки и воспитанія... Вотъ почему, мнѣ думается, древніе и боготворили золото, отливая изъ него золотого тельца и кланяясь ему какъ богу, вѣдь оно поистинѣ чудодѣй и притомъ осязаемый... Вотъ почему и нынѣ, хотя и неосознанно, но почитается людьми это золото за самага настоящаго Бога; почему такъ усердно предъ нимъ люди и преклоняются и частенько ему молятся... Оно все можетъ!..

Но пока что, какъ бы тамъ ни было и что бы тамъ ни было, а мы воздадимъ Рябушинскимъ, Морозовымъ, Кузнецовымъ и другимъ трудящимся надъ этимъ важнымъ дѣломъ должную дань преклоненія и пожелаемъ, чтобы ихъ энергія и щедроты не истощались и начатое дѣло продолжало итти къ совершенству и конечнымъ результатамъ. Пожелаемъ, чтобы ихъ души и сердца были неуязвимы отъ мелкихъ уколовъ критики отрицателей полезности зтого дѣла, а также отъ тяжести невниманія и отсутствія матеріальной поддержки. Надо помнить: извѣчно дѣла крупнаго общественнаго значенія дѣлаются одинокими вожаками толпы и немногими ихъ сотрудниками, а самая толпа всегда остается мертвымъ грузомъ, если не хуже.

Въ институтѣ мы нашли учениковъ готовящихся на обѣдъ въ столовой, и уже за обѣдомъ—ихъ воспитателей, въ своей учительской столовой. Тамъ мы нашли нашего многолюбезнѣйшаго Федора Еѳимовича Мельникова, Александра Васильевича Зайцева и Самуила Георгіевича Омичева. Ласково принятыя ими, мы были почтены ихъ любезнымъ вниманіемъ показать намъ все зданіе института. Включительно до самыхъ квартиръ гг. воспитателей осмотрѣли мы институтъ. У О. Е. въ квартирѣ мы любо-

вались его обширной библиотекою, къ несчастью распаханною кое-гдѣ и кое-какъ, лишь-бы посуше, подальше отъ сырой стѣны, у которой переплеты книгъ начинали цвѣсти. Любовались мы библиотекою покойнаго о. Елисея Мелехина, подаренною институту Арсеніемъ Ивановичемъ Морозовымъ. Для нея отведена особая достаточно вмѣстительная комната. Пока библиотека находится въ состояніи разборки. Надъ этимъ трудится священникъ о. Θ. Гусяковъ.

Показавъ намъ зданіе, гг. воспитатели проявили къ намъ еще большую любезность: они пригласили насъ остаться въ институтѣ на прощальный вечеръ учениковъ IV класса съ своими товарищами. Это насъ заинтересовало и потому мы съ благодарностью приняли приглашеніе.

Дѣло было въ слѣдующемъ: какъ я уже упомянулъ вскользь, дѣло образованія въ институтѣ пока рѣшено ограничить четырьмя первыми классами, и слѣдовательно—ученики IV класса нынѣ являются уже выпускными. 1 апрѣля они заканчиваютъ свой учебный годъ и вотъ по этому случаю у нихъ и устраивается прощальный вечеръ.

Вечеръ этотъ начинался съ семи часовъ пополудни и долженъ былъ происходить по заранѣе выработанному плану. У учениковъ на этотъ случай имѣется свой избранный предсѣдатель—руководитель вечера, который и ведетъ его съ начала до конца согласно выработаннаго порядка.

На повѣсткѣ значилось: рѣчи учениковъ IV класса о томъ, что имъ обѣщали дать и что дали въ дѣйствительности институтѣ. Впечатлѣнія вынесенныя ими изъ 4-годовалнаго пребыванія въ институтѣ. Ихъ пожеланія. Прощальныя слова, обращенныя къ остающимся. Рѣчи учениковъ другихъ классовъ по затронутымъ вопросамъ и прощальныя къ уходящимъ товарищамъ. Рѣчи воспитателей. Въ заключеніе: хоровое пѣніе и товарищескій чай съ гостинцами, на который гг. воспитатели и преподаватели приглашены гостями.

Вечеръ обѣщали быть очень интереснымъ. Такимъ онъ потомъ и оказался.

Ученики, что называется, мигомъ оборудовали аудиторію въ иконописной. Натаскивали скамеекъ и установили ихъ въ два ряда съ проходомъ посрединѣ. Поставили кафедру и тутъ же учинили мѣсто для руководителя.

Быстро всѣ разсѣлись по мѣстамъ и руководитель, войдя на кафедру, сказалъ вступительное слово.

Нужно предварить: событія жизни институтской молодежи къ этому времени сложились для нихъ очень неважно. Вмѣсто шести классовъ обѣщанныхъ программю оказалось только четыре, а это повлекло за собою неопредѣленность образовательнаго ценза учениковъ, закрытіе дороги къ дальнѣйшему образованію и немедленное ихъ вступленіе въ войска. Кромѣ этого въ стѣнахъ института за послѣднее время разыгралась исторія, которая сама по себѣ болѣе чѣмъ обыденна въ человѣческомъ общежитіи, но въ данномъ случаѣ крайне сильно взбудоражила молодые умы. Къ этому

въ дополненіе служили еще неудовлетворительныя условія жизни учениковъ въ зданіи института: новое зданіе было само-то еще не выстоявшимся и на бѣду еще оно не могло быть надлежащимъ образомъ отапливаемо въ виду страшной дороговизны угля (отопленіе и безъ того обходилось въ 900 руб. въ мѣсяцъ), а потому оно было холодно. Кромѣ того ученикамъ приходилось самимъ таскать для себя мѣшками хлѣбъ. Отсюда были столкновенія съ администраціей и даже ученическая забастовка.

Вотъ это-то все и нашло себѣ отраженіе на вечерѣ учениковъ.

Въ порядкѣ вечера всего интереснѣе было то, что ученики пользовались самою широкою свободою слова, которую использовать они и не задумывались со свойственною юношеству горячностью. Досталось въ этихъ рѣчахъ всѣмъ, и учредителямъ, и строителямъ, и учителямъ, и воспитателямъ, а также и журналу „Церковь“ за его якобы лживыя рекламы объ институтѣ. Однимъ словомъ, досталось: „всѣмъ сестрамъ по серьгамъ“. Благодарю—и уходи! Но больше всѣхъ досталось г-ну директору института А. С. Рыбакову.

Нужно признать, что рѣчи говорились очень дѣльно и толково. Вопросъ для ораторовъ былъ ясенъ, понятенъ и жизнененъ и потому онъ трактовался часто прямо-таки съ ораторскимъ искусствомъ. Конечно, безъ юношескаго задора, передержекъ, преувеличеній и неосмотрительностей, но все же въ общемъ было пріятно слушать эту смѣлую, свободную молодежь, что въ присутствіи своихъ наставниковъ, учителей и воспитателей дѣловито критиковала ихъ дѣйствія.

Общій тонъ: жалобы на то, что имъ при открытіи института обѣщали не то, что дали. Обѣщали 6 классовъ, а съ ними—права, и не дали. Обѣщали извѣстную программу наукъ и не дали. Обѣщали дать практическія сельскохозяйственныя знанія—и не дали. Обѣщали сдѣлать ихъ защитниками старообрядчества предъ внѣшними, свѣтильниками свѣта во тьмѣ своего народа—и не сдѣлали, а бросили самихъ ихъ на полпути къ знанію. Обѣщали идейное воспитаніе—и не дали. Учили книжной нравственности по книгамъ—и совсѣмъ не тому—примѣрами личными. Требовали отъ нихъ строгой, чуть ли не аскетической жизни и ничуть не служили этому примѣромъ сами. „А это убивало въ насъ вѣру въ людей“,—говорили они. Насъ обвиняютъ въ безвѣріи, а эту вѣру въ насъ убивали сами. (Это направлялось больше всего, или даже почти къ одному, опредѣленному лицу).

Намъ не давали развитія художественнаго: запрещали посѣщать театръ и читать художественную литературу. Насъ съ первыхъ дней засадили за чтеніе миней-четіихъ, а это было скучно. Насъ водили по Москвѣ въ кафтанахъ въ Каринкинскій храмъ и насильно заставляли класть земные поклоны, не объясняя значенія и полезности этого. Заставляли пѣть „Христосъ Воскресе“ въ грязномъ трактирѣ Трехвостова въ Троице-Сергіевскомъ посадѣ, что было просто насмѣшкою надъ старообрядчествомъ. Насъ снимали

на фотографіяхъ за работами, но это была просто провокація. Что это были за работы?.. Снимки помѣщали въ журналѣ, но это была пустая реклама, вводившая въ обманъ общество. Насъ на Волгѣ спрашиваютъ объ институтѣ, просятъ рассказать о немъ народу въ храмѣ. А что мы могли рассказать? Врать—совѣсть не позволяетъ, а говорить правду нельзя, да и вѣрилось, что все это устроится. Думалось—вотъ построится собственное зданіе и все устроится, но и въ этомъ мы ошиблись.

Когда мы первые шли въ институтъ, мы шли охотно, насъ манила программа его или точнѣе реклама о немъ, намъ хотѣлось учиться, получить знаніе и быть свѣточами своего народа. Насъ не посылали учиться—мы сами шли. Въ ту пору у насъ была горячая вѣра. Но вторыхъ уже посылали. Въ третьемъ классѣ мы уже бастовали, а къ четвертому классу мы почти извѣрились. Нѣкоторые ушли на военную службу, ибо объ отсрочкѣ для насъ не заботились... Въ четвертомъ классѣ у насъ было холодно, сыро и грязно... Трудовой принципъ!.. Но это—не сырость со стѣнъ вытирать, не полы натирать, а разумная, полезная работа. Полы натирать не наше дѣло, хлѣбъ въ мѣшкахъ таскать тоже... Мундиры, свѣтлыя пуговицы—и противный мѣшокъ. Что это за насмѣшка?—Вотъ и забастовали. (Аудиторія весело смѣется и дружно рукоплещетъ). И послѣ всего объявили, что пятого класса не будетъ... Естественно, что мы волнуемся и горячимся... Вѣдь мы не знаемъ—вернемся ли мы сюда, чтобы доучиться?.. Мы должны пойти на фронтъ. Это ничего. Не страшно. Но вѣдь недоучки же мы? Что тамъ-то пользы отъ насъ? И потомъ эта гнусная ложь: инспектору объявили, что пятого класса не будетъ потому, что мы хотимъ итти на фронтъ. Вѣдь это же ложь!.. Мы хотимъ учиться сначала, а о насъ говорятъ, что мы уходимъ. И еще: одно лицо даетъ совѣтъ спрятаться отъ службы: уйдите, говоритъ, въ Черемшанскій монастырь, васъ тамъ не найдутъ... Это что такое?.. Съ чѣмъ это граничить?.. Учить насъ итти на преступленіе... И это дѣлаетъ такое лицо... И послѣ этого позволять себѣ говорить о насъ, что мы не религіозны? Вѣдь это же убиваетъ вѣру въ людей, въ ихъ искренность и даже порядочность. Нѣтъ, мы этого не хотимъ. Мы все-таки вѣримъ въ доброе, вѣримъ даже, что свѣтлое будущее института все-таки будетъ, но только не при немъ. При немъ ничего не будетъ хорошаго. Нужны серьезныя реформы и реформы сверху...

И вотъ мы передъ разбитою жизнью. У насъ надежды никакой. Будущее наше туманно. И хочется закончить устами поэта:

Даръ случайный, даръ напрасный.
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?..

Бурныя рукоплесканія провожаютъ говорящаго съ кафедры.

Другіе ораторы, болѣе горячіе, призывали сотоварищей къ борьбѣ съ институтомъ:—когда вы разъѣдетесь по Россіи, то во всѣхъ уголкахъ говорите, что институтъ—это реклама, это обманъ, что не надо отдавать

туда своихъ дѣтей, что тамъ ничему не научатъ. Вотъ учили насъ два года греческому языку. А что мы знаемъ? Ничего. А исторія?.. И зачѣмъ только люди берутся за то, чего сами не знаютъ. Къ чему такая дерзость. Четыре года учились мы и ничего не знаемъ... Кричите, товарищи, объ этомъ всюду! Громко кричите!!.. Бурныя рукоплесканія.

Но входятъ на кафедру другіе и говорятъ болѣе трезвыя рѣчи, которыя постепенно сводятъ говорящихъ съ рѣзко-критическаго тона отчаянія и протеста и даютъ болѣе правильное направленіе мыслямъ говорящихъ.— Отмѣчая недостатки обученія и воспитанія, непорядки и нестроенія, они говорятъ, что кричать худо объ институтѣ не должно. Не должно разрушать института изъ-за какой-то одной личности, или изъ-за какой-то другой личности, давящей на директора, а директоръ на институтъ. Дѣло института достойное дѣло, и со временемъ оно придетъ къ желательному устроенію, а теперь просить провинцію, чтобы она ходатайствовала смѣнить администрацію.

Постепенно, одинъ другого смѣняя, говорящіе уже приходятъ прямо къ положительнымъ результатамъ и начинаютъ другъ друга ободрять и призывать къ производительной работѣ, любить старообрядчество, знать его, защищать и умѣть должнымъ образомъ представить его предъ внѣшними въ истинномъ свѣтѣ и т. д. Призываютъ помнить, что преградъ на пути много, но онѣ должны быть преодолены!.. И наконецъ заключаютъ, что необходимо образовать общество связи питомцевъ института между собою—на жизненномъ пути. Люди разойдутся по всѣмъ концамъ Руси великой и затеряются въ ея углахъ, говорили они, а намъ надо держаться другъ къ другу, только тогда мы будемъ что-либо представлять изъ себя. Надо основать при институтѣ бюро, и въ это бюро каждый выбывшій долженъ давать о себѣ свѣдѣнія два раза хотя бы въ годъ. Только такимъ путемъ мы не затеряемся. Это и было принято единогласно.

На вечерѣ былъ также одинъ изъ юнкеровъ Московскаго военнаго училища—бывшій воспитанникъ института. Онъ также сказалъ слово къ собравшимся. Въ своемъ словѣ онъ очень наглядно указалъ положительныя стороны института, которыя просилъ не умалять, а достоинства ихъ, по его словамъ, товарищи его сами оцѣнять, когда попадутъ въ военныя училища. Онъ указывалъ имъ ошибки—ихъ мрачнаго настроенія и ободрялъ ихъ тѣмъ, что въ военной школѣ они поймутъ, какъ много имъ далъ институтъ, далъ много такого, чего они никогда нигдѣ не получаютъ.

Изъ преподавателей первымъ говорилъ учитель пѣнія Я. А. Богатенко. Въ самыхъ мягкихъ словахъ, дышащихъ огромною терпимостью и снисхожденіемъ къ задору юношества, онъ отмѣтилъ ошибочность высказанныхъ мнѣній учениковъ по части преподаванія:—Вотъ говорящіе жаловались на то, что преподаваніе было схоластическое, что въ дѣлѣ наукъ ничего не было дано эстетическаго,—началь Я. А.—Я, конечно, ничего не могу сказать о другихъ предметахъ наукъ, но вотъ я преподавалъ пѣніе. Скажите

по совѣсти: развѣ пѣніе—не эстетика? Конечно, эстетика. Вѣдь, преподавая, я главнымъ образомъ обращалъ ваше вниманіе не на механику его, а на красоту мелодіи и смыслъ его. Это и есть эстетика. Вотъ псалмы напри- мѣръ,—въ нихъ я отличалъ не только историческое ихъ значеніе, но и музыкальное. Вотъ и сегодня порядокъ вечера заканчивается пѣніемъ—это что же? Развѣ это не эстетика? Я преподавалъ вамъ рисованіе,—а это тоже эстетика. Другое дѣло, насколько мы въ этомъ успѣли, но мы не можемъ сказать, что у насъ не было эстетики. (Я. А. ученики награжда- ютъ рукоплесканіями).

За нимъ говоритъ О. Е. Мельниковъ.—Онъ прямо начинаетъ съ отмѣтки своей радостной настроенности этимъ вечеромъ:—Бываютъ обычно случаи, когда люди начинаютъ говорить рѣчи о здравіи, а кончаютъ за упокой, а вы, къ моей радости, поступили какъ разъ наоборотъ—начали за упокой, а окончили о здравіи. Это отраднo. Хоронили институтъ, хоро- нили свои надежды, а, оказывается,—онѣ воскресли и здравствуютъ.

Вы, сами не сознавая—высказали прекрасныя мысли, мысли, которыя помимо вашей воли отмѣтили то положительное, что вамъ далъ институтъ. И это меня радуетъ. А институтъ вамъ далъ очень многое. И многое та- кое, чего вы нигдѣ бы не могли получить. Вотъ хотя бы этотъ вечеръ и ваши свободныя рѣчи. Рѣчи критическаго характера о вашихъ воспитате- ляхъ, учителяхъ и покровителяхъ въ ихъ присутствіи. Гдѣ бы вы могли добиться такой свободы критики? Какое правительственное учебное заве- деніе дало бы вамъ это?—Да и какія страны? Нигдѣ въ мірѣ вы этого не получите. Институтъ воспиталъ въ васъ способности свободно говорить съ кафедры передъ толпою. И вы легко говорите и притомъ такія красивыя рѣчи. Это уже большой успѣхъ! Ваша критика—дѣльная критика. И это успѣхъ. Пусть она ошибочна въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не въ этомъ дѣло, но важно, что вы научились отзываться на внѣшнія впечатлѣнія, и отзы- ваться надлежащимъ образомъ.

Вы жалуетесь на то, что васъ не пускали въ театръ, не давали чи- тать свѣтскую литературу. Вы говорите, что это воспитывало бы въ васъ чувство прекраснаго и художественнаго; но вѣдь вы не должны забывать, что нашъ институтъ богословско-учительскій и потому тутъ театру нѣтъ мѣста, а также и свѣтской литературѣ. При этомъ театръ современный ничуть не воспитатель прекраснаго, а какъ разъ обратно. Также и совре- менная литература; кромѣ вреда она вамъ ничего не дала бы. Мы, ваши воспитатели, зная это, не могли допустить, чтобы вы подверглись этому развращающему вліянію. Пусть это вамъ и не нравилось, но мы не должны были обращать на это вниманія. Представьте себѣ, что бы получилось изъ того, если бы пускали васъ по вашимъ стремленіямъ? Одинъ хочетъ въ театръ, другой съ дѣвицами гулять, третій курить, четвертый рестораны посѣщать и т. д. Что же бы осталось отъ института, отъ наукъ и воспи- танія?.. Вы сами можете понять, что ваши жалобы въ этомъ отношеніи

не на мѣстѣ. Въ другихъ вопросахъ онѣ понятны, но пока не въ нашихъ силахъ устранить всѣ недочеты, а потому пока съ ними надо мириться.

Мы въ самомъ началѣ рѣзко оборвали—попытки нѣкоторыхъ изъ васъ курить. И всѣ вы помогли намъ въ этомъ. Это было рѣзко, но результаты оказались хорошими, и вы сами этимъ, кажется, довольны. А возможно, что тѣмъ, кого мы отъ этого отучали, это и не нравилось. Но нельзя было допустить это.

Я радъ отмѣтить, что вы все-таки воспитались старообрядцами и, надѣюсь, ими останетесь.

Не судите насъ строго, могло быть, что мы иногда были и неправы. Мы—люди и также могли ошибаться. А потому и простите намъ наши ошибки.

Аудиторія рукоплещетъ и кричитъ: Богъ проститъ, и насъ простите Христа-ради.

А. В. Зайцевъ также сказалъ прекрасное слово, примиряющее учениковъ съ недостатками института, обученія и воспитанія, говорилъ и С. Г. Оомичевъ.

И чѣмъ дальше говорили преподаватели, тѣмъ больше поднималось настроеніе учениковъ. Въ концѣ концовъ настроеніе сдѣлалось совершенно радостнымъ и потому, когда рѣчи преподавателей исчерпались, учащіеся упросили и меня сказать нѣсколько словъ.

Собственно гг. воспитатели и преподаватели своими рѣчами сдѣлали уже все, что надо было сдѣлать, и потому съ большимъ успѣхомъ можно бы было мнѣ и не выступать, но въ виду настойчивости просьбы пришлось это сдѣлать, и я сказалъ нѣсколько словъ, восполняющихъ, какъ мнѣ казалось, тѣ пробѣлы, которые оставались отъ рѣчей говорившихъ впереди.

— Я съ большимъ интересомъ прослушалъ ваши рѣчи и повторяю то же, что сказалъ О. Е.—въ общемъ я вынесъ изъ вашихъ рѣчей отрадное впечатлѣніе...

Когда я слушалъ ваши жалобы, моему воображенію онѣ представлялись темною змѣею ползущей промежъ вами, заползавшей въ ваши души, жалящей ваши сердца и отравляющей ваши организмы ядомъ отчаянія. Мнѣ это было больно. Но когда я услышалъ другихъ, которые, ободряя товарищей, отмѣчали положительныя стороны института, то я успокоился, ибо мнѣ стало ясно, что въ институтѣ не все было худо, что институтъ вамъ все-таки далъ то, что дать онъ и хотѣлъ, хотя, конечно, и не все.

Многія причины вашего недовольства справедливы. И меня радуетъ то, что вы, молодежь, такъ правильно опредѣляете эти недочеты, такъ справедливо протестуете и требуете того, что вамъ дѣйствительно нужно. Но это вы и замѣтите, ибо знаніе критики и надлежащей оцѣнки вещей вамъ далъ именно институтъ. Вы сами говорили, что когда четыре года тому назадъ вы сюда пришли, то ничего не знали, всему вѣрили, а теперь

уже стали многое знать и дѣлать оцѣнку всему сами. Это уже есть положительныя стороны 4-лѣтняго вашего пребыванія въ институтѣ.

Ваши обвиненія администраціи института, мнѣ думается, поспѣшны. Чтобы осуждать, произносить приговоръ, надо много изслѣдовать. Что институтъ вамъ не далъ того, что онъ обѣщаль, и что дать онъ долженъ былъ, въ этомъ повинны не только его „заправила“, какъ вы ихъ называли, но и очень многія обстоятельства. Вотъ взять хотя бы войну: она очень много на это вліяла. А потомъ вы, какъ молодые люди, вѣроятно думаете, что мы—люди зрѣлаго возраста—все можемъ. Что, молъ, надо сдѣлать, то они и сдѣлаютъ, если захотятъ. Но это далеко не такъ. Мы, въ сущности, предъ лицомъ жизни тѣ же дѣти, только постарше и попытнѣе васъ. И очень часто, при всемъ нашемъ желаніи сдѣлать что-либо, сдѣлать этого не можемъ...

То же самое погрѣшительны ваши сужденія и о томъ, что вамъ не давали личнаго примѣра образцовой нравственности. Не забудьте—васъ окружали люди, а не боги. Они, какъ люди, подвержены людскимъ слабостямъ. Вы должны быть очень осторожны въ сужденіяхъ личнаго грѣха человѣка... Самое лучшее, вы старайтесь грѣха вашихъ руководителей не замѣчать. Помните, какъ говорилъ народу Христосъ о современныхъ учителяхъ: „Чему они васъ учатъ, вы исполняйте, а какъ они поступаютъ, такъ не дѣлайте“... Вотъ и вы такъ поступайте.

Мы, бородатая дѣти, хотя уже и съ зрѣлымъ умомъ, съ долгимъ жизненнымъ опытомъ, но часто дѣлаемъ то, чего дѣлать сами не хотимъ. Сознаемъ, что этого дѣлать не должно, и все-таки дѣлаемъ. И не мы только: еще великій учитель вселенной, блаженнѣйшій апостоль Павелъ, говорилъ:—„Хочу дѣлать одно, а дѣлаю другое“... Такъ что же мы-то, заурядные смертные, можемъ подѣлать?.. Не судите насъ строго, мы сами въ извѣстный часъ осудимъ себя. Вы берите отъ насъ хорошее, усваивайте его, а дурное проходите мимо вашимъ вниманіемъ. Это вотъ я вамъ настойчиво совѣтую въ вашей жизни.

Теперь о неурядкахъ въ преподаваніи и общежитіи.

Неурядки есть. Но не забудьте, что институтъ дѣлаетъ только первые шаги своего существованія, робкіе шаги на совершенно нетвердыхъ ногахъ. Онъ вѣдь только еще нащупываетъ почву, дорогу. Придетъ время, онъ станетъ твердо и все пойдетъ нормально. Не надо забывать, что на его дѣятельности лежитъ тяжелымъ гнетомъ 250-лѣтнее наше безправіе.

У насъ нѣтъ преподавателей, руководителей и воспитателей, для того подготовленныхъ долгимъ опытомъ практики. Все мы начинаемъ съ азовъ. Это тоже многое значитъ. Вотъ почему такъ плохо поставленъ вопросъ и съ преподаваніемъ греческаго языка и исторіи. Вотъ почему за дѣло преподаванія и берутся люди, не знающіе хорошо предмета. Но вѣдь и здѣсь говорить ваша юность. Я вамъ скажу примѣръ: въ правительственныхъ среднихъ школахъ по шести лѣтъ учатъ такъ-называемые новые языки,

нѣмецкій, французскій. И получаютъ хорошія отмѣтки по нимъ. А знаютъ ли ихъ?—И нѣтъ, конечно. А вы за два года хотите быть совершенными въ греческомъ языкѣ. Это немыслимо. И вообще всѣ ваши требованія здѣсь высказанныя простираются до желаемой мечты—мечты достиженія въ наукахъ совершенства. Это желаніе похвально, но едва ли оно осуществимо. И бѣда въ томъ, что вы знаете, что вамъ надо, и видите, что вы отъ этого далеки, и это васъ убиваетъ. Но необходимо въ такихъ случаяхъ дѣлать сравненія и они васъ успокоятъ. Они вамъ покажутъ, что дѣла вовсе ужъ не такъ плохи, и что институтъ васъ пустилъ на сцену жизни ужъ не такими беспомощными, какъ это вамъ кажется подъ навѣянными вами на самихъ себя впечатлѣніями. Вотъ вы выйдете отсюда и поступите въ войска. Въ войскахъ, среди темной толпы людей, вы очень осязательно почувствуете, какъ сильно вы превосходите эту толпу, и вы увидите,—какъ быстро вы всплывете надъ уровнемъ этой толпы. Но и среди вамъ равныхъ по наукамъ вы не затеряетесь, а несомнѣнно станете выше ихъ. И это потому, что здѣсь, въ старообрядческомъ училищѣ, вы получили совершенно другое воспитаніе, нежели они. А это воспитаніе и выдѣлитъ васъ изъ среды вашихъ будущихъ сотоварищей. Вы здѣсь, въ институтѣ, не взирая на свободу воспитанія, очень изрядно дисциплинированы, вы привыкли къ порядку, а тамъ дисциплинированность,—это все! Вы не курите, вы не пьете, вы строги къ пищѣ, вы строги къ своимъ поступкамъ, и исполнительны къ долгу, къ обязанностямъ. Вы привыкли владѣть своимъ словомъ передъ толпою, вы владѣете вашими чувствами и т. п. Вы въ этомъ несовершенны, конечно, но неизмѣримо выше среди внѣшнихъ, а это и есть ваше преимущество. Оно - то и докажетъ вамъ въ будущемъ, что институтъ далъ вамъ очень многое. Но, конечно, отъ васъ самихъ будетъ зависѣть сохранить всѣ эти качества и даже ихъ увеличить. Я вамъ горячо совѣтую: пойдете въ жизнь, въ другую среду, среду вамъ чуждую, сохраните тамъ свою особенность, не стирайте свою старообрядческую личность, не уравнивайте даже вашего внѣшняго облика съ имѣющей васъ окружать средою и вы никогда не затеряетесь въ толпѣ, и будете чисто самобытны. А если вы сбережете внутреннюю чистоту старообрядческой самобытности, повѣрьте, вы всегда будете господами положенія, и потому командовать будутъ не вами, а вы другими. Повѣрьте мнѣ, что старообрядчество—это нѣчто сильное, то сильное, что заслуживаетъ себѣ мѣсто въ первыхъ рядахъ жизни.

Даже самое заурядное старообрядческое семейное воспитаніе—и то не даетъ старообрядцу затеряться въ толпѣ. Я это наблюдалъ на всемъ пространствѣ моего жизненнаго пути и на себѣ лично и на окружающихъ. Вотъ вамъ товарищъ—юнкеръ, недавно еще въ жизни, а онъ уже успѣлъ замѣтить, что наше воспитаніе даетъ преимущество въ жизни. Онъ уже свидѣтельствуетъ вамъ объ этомъ, а я это подтверждаю. Вотъ только теперь, тамъ, близко къ боевой линіи, я встрѣтилъ нѣсколькихъ сотоварищей по

работъ, которые выдѣлялись своими качествами изъ уровня работниковъ. Узнать по внѣшности, что это старообрядцы, было нельзя. Они такъ чисто выбриты, выстрижены, папироска у нихъ вѣчно въ зубахъ, и потому они скорѣе походили на англичанъ, нежели на старообрядцевъ, но ихъ работоспособность, дисциплинированность, выносливость и характеръ остались старообрядческими и потому они заняли отвѣтственные должности. Должности, на которыхъ они приказываютъ, а не имъ. А вамъ я посоветую и внѣшность блюсти оригинальною, ибо это дастъ вамъ особый отпечатокъ самобытности. Боже васъ упаси бриться, курить, пьянствовать, развратничать, въ карты играть, это только сотретъ вашу личность и уравниетъ ее съ толпою. А еще я вамъ посоветую вотъ что: любите старообрядчество. Гдѣ бы вы ни были, что бы съ вами ни случилось, вы всегда дорожите имъ, выказывайте свою къ нему принадлежность и защищайте его предъ всѣми. Оно достойно этого. Много въ немъ, какъ во всякомъ обществѣ, нестроений, недочетовъ, грѣховъ, но оно все-таки заслуживаетъ искренней любви и глубокой преданности. И прося объ этомъ, я сегодня же убѣдился, что институтъ васъ все-таки сумѣлъ воспитать сознательными старообрядцами, это меня радуетъ и дѣлаетъ спокойнымъ за ваше будущее и за будущее старообрядчества. Заканчивая мое слово, я еще разъ подтверждаю, что вы хотя и не все получили здѣсь, что получить вы чаяли, но зато достаточно, чтобы смѣло итти на жизненный путь, и потому долой ваше отчаяніе. А потомъ и молоды вы еще. Вотъ пройдетъ это лихолѣтіе, кончится война, вернетесь вы домой, возможно, найдете возможность и закончить ваше образование здѣсь же въ институтѣ. А теперь съ Богомъ въ жизненный путь и не забудьте мои пожеланія.

Аудиторія благодарила меня рукоплесканіями.

За мною предложено было слово І. И. Хромову. Найдя, что сказано уже все, что сказать нужно было, онъ отъ слова отказался.

Послѣ этого хоръ учениковъ подъ управленіемъ Якова Адексѣевича прекрасно исполнилъ гимны союзниковъ. Эти гимны подняли настроеніе до степени радостнаго.

Выполнивъ распisanіе—ученики быстро очистили импровизированную аудиторію и также быстро накрыли чай въ столовой. Пріятно было видѣть эту молодежь энергично и умѣло работающую. Буквально не прошло пяти минутъ какъ всѣ слѣды обстановки аудиторіи въ иконописномъ залѣ исчезли, а вся мебель оказалась на мѣстахъ въ столовой.

Чай былъ приготовленъ съ бараночками и сладостями, а молодежь изображала роль любезныхъ хозяевъ. И это ей прекрасно удавалось.

Пріятно отмѣтить: ученики крайне корректно держатъ себя въ собраніи, послушны волѣ предсѣдательствующаго, говорятъ свободно, толково и даже краснорѣчиво. Хотя жаль—щеголяютъ иностранными словами.

Отсутствіе табачнаго дыма также производило пріятное впечатлѣніе: не взирая на большое количество людей, воздухъ въ аудиторіи и вообще въ помѣщеніи все время оставался чистымъ.

А ну-ка бы это было у внѣшнихъ?—Навѣрное воздухъ былъ бы настолько густъ, что, какъ говорятъ, хоть топоръ втыкай.

Н. Зенинъ.

Группа воспитанниковъ Московскаго Старообрядческаго Института, окончившихъ четыре общеобразовательныхъ класса, во главѣ съ преподавателями и воспитателями.

Московскій старообрядческій институтъ.

Въ старообрядческомъ институтѣ, просуществовавшемъ уже 4 года, въ настоящемъ году занятія закончены очень рано, неожиданно...

1-го апрѣля былъ благодарственный Господу Богу молебенъ по окончаніи занятій. Молебенъ совершенъ былъ епископомъ Александромъ, помощникомъ московскаго архіепископа, въ сослуженіи съ священникомъ Рогожской московской общины о. Стефаномъ Коноваловымъ и протодіакономъ той же общины о. Львомъ Овсянниковымъ. На молебнѣ присутствовали г. директоръ института, преподаватели и воспитатели. Пѣніе исполнялось учащимися института подъ управленіемъ преподавателя пѣнія Я. А. Богатенко.

Протодіакономъ Овсянниковымъ, по окончаніи молебна, было провозглашено многолѣтіе Государю, Государынямъ, Наслѣднику, всему Царствующему.